

— Нет, мама, я просто беспокоюсь о безопас...

Бип-бип...

Короткие гудки оповестили, что вызов сбросили.

Ли Сянфу: «...»

Когда Цинь Цзинь вошел во двор, он как раз застал юношу с непередаваемо скорбным лицом, безмолвно уставившегося в экран телефона.

— Что случилось? — спросил он.

Ли Сянфу тихо вздохнул и, качнув головой, вместо ответа спросил:

— Ты чего пришел?

А ведь еще пару дней назад Цинь Цзинь жаловался, что в саду слишком сильно пахнет цветами.

— Решил пройтись, подышать воздухом, — ответил Цинь Цзинь.

Слова-то он произнес, но сам смотрел на Хунчэнь, которая неожиданно поднялась на задние лапы среди цветов и помыла мордочку лапками. Старый кот в последнее время, похоже, пристрастился к этому жесту — каждый раз казалось, будто он совершает какой-то таинственный поклонительный ритуал.

Ли Сянфу усмехнулся:

— Если верить твоим прежним словам, он молится, чтобы котята оказались его.

Цинь Цзинь качнул головой и, вскользя бросив взгляд на кота, отмахнулся:

— А может, он меня проклинаяет.

Ли Шаша внезапно поднял руку и вклинился в разговор:

— О, эту загадку я знаю...

Повернувшись к Ли Сянфу, он добавил:

— В этом месяце я уже в третий раз вижу, как он чуть не спотыкается о порог, сделанный дедушкой.

Ли Сянфу сначала опешил, а потом с улыбкой заметил:

— Когда ходишь, надо смотреть под ноги.

— Человек загружен работой, стремится скорее домой, вот и теряет бдительность от усталости,
— рассудительно ответил Ли Шаша.

Прежде чем он успел договорить, Цинь Цзинь и Ли Сянфу одновременно уставились на него.

«Не к добру такая услужливость» — мудрость предков еще никогда не подводила.

Ли Сянфу без лишних экивоков спросил:

— Чего тебе надо?

Ли Шаша признался как на духу:

— В начале следующего семестра в школе будет концерт для первокурсников. Нужен номер. В хоре петь я не хочу, планирую поставить пьесу.

Для хорового пения придется ходить на репетиции во время каникул, да и, к счастью, он здраво оценивал свои музыкальные данные — от его пения вяли уши. Театр же — совсем другое дело.

Постановка «Продать себя, чтобы похоронить отца», основанная на реальных событиях: думать не надо, играй самого себя. Сюжет гарантированно полон крутых поворотов, финал окажется неожиданным, а в итоге — шквал аплодисментов.

Ли Сянфу с первого взгляда раскусил его замысел.

С изо всех сил натянутой, но совершенно неискренней улыбкой на бесстрастном лице Ли Шаша посмотрел на Цинь Цзиня:

— Ты будешь играть злодея, я — сына, а папа — папу.

— Советую не соглашаться, — добродушно предостерег Цинь Цзиня Ли Сянфу.

В свое время тот Бывший государственный наставник под дождем из серебряных монет кончил весьма плачевно.

Не успел Цинь Цзинь ответить, как Ли Шаша, словно искуситель, принялся его заманивать со двусмысленным подтекстом:

— Давай, присоединяйся к нам.

Цинь Цзинь не поддался:

— Сделать сольный или коллективный вокальный номер проще, чем ставить спектакль. Тебе стоит чаще участвовать в общественной жизни.

Лицо Ли Шаша застыло. Он чеканно произнес:

— Я не буду петь.

Иначе над ним потом еще долго будут смеяться.

— Даже если ты будешь фальшивить всю дорогу, в общем хоре этого никто не заметит, — возразил Цинь Цзинь.

Поняв, что слова бесполезны, Ли Шаша решил доказать все на практике. В два прыжка он вскочил на бортик фонтана, набрал полную грудь воздуха и во всю глотку затянул без аккомпанемента:

— «Сегодня замечательный день...»

Стоило ему выдать эту руладу, как даже стойкий Цинь Цзинь не смог удержать лицо.

К такому голосу в аккомпанемент годилась разве что сона.

От автора:

Ли Шаша: А-а-а — сегодня замечательный — день-н-н...

Цинь Цзинь: ...Одного раза за всю жизнь вполне достаточно.

Небо постепенно темнело. Много лет назад Цинь Цзинь больше всего на свете боялся отхода ко сну.

С наступлением ночи его истязал тот голос, неустанно напоминавший о выборе, сделанном Цинь Цзяюй. Из-за этого Цинь Цзиню практически каждую ночь снились осознанные сны. Бывало время, когда, проснувшись, он ничего не помнил, но в теле все равно оставалась высасывающая силы усталость.

Прошло время. Источник боли постепенно зарубцевался, а инстинктивная отвратительность Системы благодаря некоторому перенесенному теплоте отношению к Ли Сяньфу значительно сгладилась в процессе общения с Ли Шаша.

Вплоть до сегодняшней ночи.

Дьявольское пение закольцованным мотивом повторялось без конца — даже если пытаться не обращать внимания, это было выше человеческих сил.

Цинь Цзинь неподвижно лежал на кровати, насупившись и уставившись в потолок.

...Казалось, пение Ли Шаша таило в себе какую-то аномальную, жудовищную силу.

Тишину разбил стук в дверь.

Цинь Цзинь поднялся и открыл. Снаружи стоял Ли Сяньфу. Даже глубоким вечером он выглядел безупречно: струящаяся шелковая пижама, поверх которой ниспадали длинные волосы, казавшиеся еще более шелковистыми, чем сама ткань, и мягко отсвечивали в полумраке.

— Не спится? — спросил Ли Сяньфу.

Цинь Цзинь немного удивился его визиту, но кивнул.

Ли Сяньфу вошел внутрь и привел наглядное сравнение:

— Вокал Шаша наносит как физический, так и магический урон.

Система, манипулируя голосом, способна испускать слабый энергетический импульс. Вреда телу он не наносит, зато ментальный урон от него колоссальный.

— Я ощутил, — произнес Цинь Цзинь. Даже сейчас песня продолжала эхом отдаваться у него в голове, да так, что стоило открыть рот — и готово вырваться «замечательный день».

— Если это не заглушить, могут остаться последствия.

Ли Сяньфу велел ему лечь на кровать, а сам присел на стул рядом:

— Я помогу тебе развеять это.

«...» На мгновение тело Цинь Цзиня непроизвольно напряглось.

Заметив, что тот замер, Ли Сяньфу вопросительно издал короткое «хм?», приподняв бровь.

В конце концов Цинь Цзинь подчинился и лег.

Ли Сяньфу только тогда удовлетворенно прикрыл глаза, протянул руку к кровати и под сложным, полным немого изумления взглядом Цинь Цзиня... поправил на нем одеяло, подтянув повыше.

— Ночью гуляет сквозняк, смотри не простудись.

С этими словами его лицо мгновенно обрело благочестивое, святое выражение, а губы ритмично задвигались.

За считанные мгновения остаточный шум Ли Шаша рассеялся, а его место заняли умиротворяющие буддийские песнопения.

Спустя неизвестно сколько времени Ли Сяньфу медленно открыл глаза и с исполненным сострадания взором спросил:

— Стало лучше?

Цинь Цзинь без единой эмоции на лице спросил:

— Ты заявился ко мне в комнату посреди ночи только для того, чтобы отпеть меня?

«...»

Ну и словечко выбрал.

Как бы то ни было, негативный эффект от пения Ли Шаша улетучился. Бросив взгляд на настенные часы, Ли Сяньфу не стал задерживаться:

— Ложись спать.

И, подобно облаку тумана, уплыл прочь.

На следующий день было пасмурно. Зелень на подоконнике выглядела вялой и безжизненной.

Все по очереди спустились к завтраку. Вокруг Цинь Цзиня, казалось, висела густая туча мрака, а выражение лица было угрюмым.

Ли Шаша подумал, что его пение не могло иметь настолько разрушительной силы, и внезапно сам проявил инициативу, заговорив с ним:

— Плохо спалось?

Цинь Цзинь взял палочки и холодно отозвался:

— Ощущение, будто прошел через седьмой день поминок.

«...»

Этим утром Ли Сяньфу не стал играть на цитре, а потратил время на то, чтобы съездить к Су Тао.

Сейчас она жила в известном элитном жилом комплексе, куда журналистам ход был закрыт, так что им приходилось дежурить снаружи.

Внутри ЖК имелся собственный клуб, и они встретились в зоне отдыха за ширмой.

Лицо и весь облик Су Тао заметно изменились: прежняя упрямость немного развеялась, губы выглядели бледными, придав ей трогательную хрупкость.

Между ними не было нужды соблюдать условности любезности, поэтому Ли Сяньфу, сцепив пальцы на столе, прямо изложил цель своего визита:

— Ли Тантан сейчас на коне. Получив акции, подаренные Ли Шэнем, она в один миг стала вторым по величине акционером «Сяошо».

— И что с того?

— Цинь Цзяюй рано или поздно разведется с тобой. Не лучше ли вовремя сократить убытки и объединить силы с нами?

Су Тао подняла руку — бриллиант на кольце блеснул под солнечным светом.

Ли Сяньфу спросил:

— И как долго, по-твоему, это еще продержится?

Ответом Су Тао был лишь холодный смешок, после чего она поднялась и ушла.

Жилье здесь покупали исключительно богачи, среди которых было немало знаменитостей. Лю Юй тоже жил неподалеку, так что Ли Сяньфу набрал его номер. Лю Юй быстро пришел и, увидев его, удивленно ухнул:

— Ты чего это вдруг приперся сюда?

— Сеять раздор, — великодушно сознался Ли Сяньфу.

...

Су Тао понимала, что супружеским отношениям, скорее всего, пришел конец, но искаженное воспитание сформировало в ней тип личности, склонный к самопожертвованию. Даже в такой момент, вернувшись, она первым делом позвонила Цинь Цзяюй и рассказала обо всем.

— Я поняла, — произнесла Цинь Цзяюй у себя в кабинете и повесила трубку. Напротив нее сидел человек, подсланный Ли Шэнем для слежки, который в повседневности числился ее ассистентом.

С самого начала звонка подчиненный не сводил с нее глаз. Цинь Цзяюй с невозмутимым видом продолжила изучать отчеты на столе, однако мысленно была занята совсем иным.

Если говорить о мстительности, Ли Сяньфу превосходил даже Цинь Цзиня — у него не было

причин щадить Су Тао.

Су Тао питала к ней глубокие чувства и даже после расставания не стала бы принимать чужую сторону. Единственным итогом развода станет лишь то, что сама Цинь Цзяюй сойдется ближе с Ли Тантан.

Ли Тантан...

Невольно пробормотав это имя, Цинь Цзяюй сжала уголок отчета пальцами, размышляя, не приготовлена ли для нее какая-нибудь ловушка на пути к этой девице.

«Чего ты еще сомневаешься? — поторопила Система. — Номинальный отец Ли Тантан уже одной ногой в могиле. Если не зарегистрируете брак прямо сейчас, тебе не достанется ни гроша».

<http://bllate.org/book/18300/1757337>